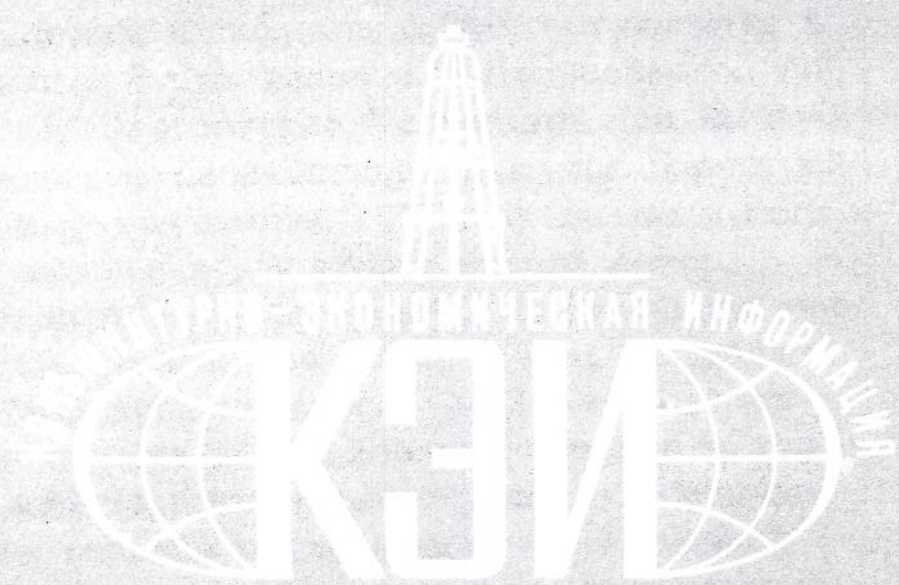

**СЕРИЯ: КОНЬЮНКТУРНО-
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ИНФОРМАЦИЯ
В НЕФТЯНОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ**

МИНИСТЕРСТВО НЕФТЯНОЙ И ГАЗОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР
ВСЕСОЮЗНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ОРГАНИЗАЦИИ,
УПРАВЛЕНИЯ И ЭКОНОМИКИ НЕФТЕГАЗОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
(ВНИИОЭНГ)

НЕФТЯНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Серия. КОНЪЮНКТУРНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ В НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

ЭКСПРЕСС-ИНФОРМАЦИЯ

Выпуск 2

Выходит с 1983 г.

Москва 1990

4 выпуска в год

КОНЪЮНКТУРА РЫНКА НЕФТЕГАЗОВОГО СЫРЬЯ

О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ СОХРАНЕНИЯ КРУПНОМАСШТАБНОГО ЭКСПОРТА СОВЕТСКОЙ НЕФТИ

Наличие двух обоснованных противоположных мнений — всегда повод для дискуссии. Расценивая таким образом две недавние публикации в "Известиях" (1989 г. № 314, 325), приглашающие, как на то хочется надеяться, к давно назревавшему общественному обсуждению проблемы целесообразности крупномасштабного экспорта советской нефти, выскажем и ряд своих суждений, дополняющих или вступающих в противоречие с выводами Э.Гусейнова и И.Лавровского.

Главный вывод у первого автора: "...падение цен не позволяет надеяться, что нефтяной экспорт выручит перестройку, как он когда-то выручил застой". "Никак не могу согласиться с подобными выводами", — пишет второй автор.

Чем же различаются доводы авторов? У Э.Гусейнова они убедительны и понятны. За полтора десятка лет, прошедших с момента первого "нефтяного кризиса" 1973 г., существенно выросла эффективность использования энергии в промышленно развитых капиталистических странах — основных потребителях жидкого топлива и главных его покупателях на мировом рынке. Рост цен сделал выгодным и наращивание добычи в самих этих государствах (Северное море,

Аляска и малодебитные скважины США). В результате резко упал их импортный спрос на мировом рынке нефти. Это явилось объективной предпосылкой сначала снижения цен (правда, не с 1983 г., когда страны ОПЕК сами стали уменьшать свои официальные цены, оказавшиеся выше рыночных, а с 1У квартала 1980 г., когда пошли вниз собственно рыночные — в нерегулярных сделках — цены), а затем и их обвала, последовавшего в феврале-июле 1986 г.

Таким образом, уменьшилась как норма прибыли экспортеров — в расчете на 1 т вывозимой нефти, так и ее масса — зависящая от объемов вывоза. В итоге финансовое положение этих стран ухудшилось и тем в большей степени, чем более зависимы они были от экспорта жидкого топлива. После "антикризиса" 1986 г. рынок нефти остается вялым и "в ближайшее время цены едва ли поднимутся", — пишет Э.Гусейнов и делает вполне разделяемый нами вывод о неблагоприятных перспективах советского нефтяного экспорта (добавим при этом — тем более в нынешних его хозяйственных формах).

И.Лавровский возражает ему, предлагая, правда, не только сохранить экспорт нефти как безальтернативный на сегодня источник получения валюты, но и изменить экономический механизм экспортноориентированной эксплуатации наших энергосырьевых ресурсов.

Со второй группой его аргументов нельзя не согласиться, тем более, что она в основном соответствует нашим представлениям о направлениях перестройки энергосырьевого обмена СССР с западными странами. Более того, нам кажется, что в ряде своих аргументов автор не доходит до их логического завершения, как бы останавливается на полпути.

Чуть ниже мы постараемся конкретизировать ряд положений, намеченных И.Лавровским, но в соответствии со своим видением этой проблемы. А пока обратимся к тезису об отсутствии в настоящее время реальной замены экспорту нефти, да и вообще энергоресурсам в качестве основного источника внешнеторговых доходов страны, 2/5 которых продолжает поступать за счет вывоза именно этой группы товаров.

Точка зрения, что у нас нет возможности сократить экспорт нефти, поскольку нечем заместить (вытеснить) его в экспортной структуре, является широко распространенной сре-

ди специалистов, и если исходить именно из этой предпосылки, то такая позиция представляется вполне обоснованной. Подтверждение такому подходу можно найти в статье И.Лавровского, напрямую связывающего перспективы экономического возрождения страны с количеством "нефтедолларов" в ее кармане. Но поскольку нефть превращается в нефтедоллары только во внешнеторговых сделках, то мы расцениваем такую постановку вопроса не иначе как призыв к наращиванию масштабов нашего нефтяного экспорта. Для подкрепления этого тезиса автор приводит ряд аргументов, которые, правда, не совпадают с информацией, которой мы располагаем.

Рост цен в 1989 г., о котором пишет И.Лавровский, на наш взгляд, не является фазой подъема в долгосрочном (многолетнем) ценовом цикле, а соответствует очередному краткосрочному (сезонному) циклу - второму с момента падения цен в 1986 г. Рост цен действительно имел место - с октября прошлого (низшая точка цикла) до мая нынешнего года (высшая точка цикла). За это время цены увеличились почти вдвое. Но тенденцией изменения цен в течение 1989 г. был не рост их на 15...20 %; а незначительные колебания вокруг практически постоянного в течение года уровня порядка 110 дол./т для близкой к советским экспортным сортам дубайской нефти. Поэтому говорить об изменении "направления прилива" преждевременно...

И уж никак нельзя согласиться с утверждениями, что сегодня действия СССР сильнее влияют на уровень цен, чем политика ОПЕК, СССР экспортирует почти в 4 раза меньше нефти и нефтепродуктов, чем ОПЕК, причем сырой нефти - в 4,5 раза меньше. Около половины советского экспорта жидкого топлива (95 из 205 млн т в 1988 г.) вывозится в социалистические страны. В этих сделках цены устанавливаются в зависимости от цен мирового рынка и обратного влияния не оказывают. Следовательно, по масштабам экспорта на мировой рынок (за свободно конвертируемую валюту) соотношение ОПЕК и СССР становится близким уже к 8:1.

Учтем при этом, что СССР ведет добычу на уровне, близком к 100%-й загрузке мощностей, а в странах ОПЕК 3/5 номинальных мощностей выведены в резерв и могут быть задействованы в любое время. Уровень же добычи (без учета резерва мощностей) в странах ОПЕК в 1,5 раза выше, чем в СССР.

С учетом изложенного и мы "не можем пока похвастаться пониманием экономической мощи советской нефти" в ее влиянии на мировой рынок. На наш взгляд, на этом рынке Советский Союз был, есть и останется аутсайдером, который к тому же чаще действует в направлении ухудшения конъюнктуры, чем способствует ее заметному укреплению. И поэтому чем менее значительными будут масштабы нашего присутствия на мировом рынке нефти, особенно с учетом растущей его нестабильности, тем меньшие потрясения, как правило негативного свойства, будет испытывать наша экономика с этой стороны, пока мы не овладеем в совершенстве всем спектром соответствующих рыночных механизмов.

Держать нефть в земле, руководствуясь только лозунгом о сохранении национальных богатств, бессмысленно — с этим нельзя не согласиться. И когда требования прекратить экспорт нефти подкрепляются только этим лозунгом, такая аргументация представляется и нам малоубедительной. Но столь же неубедительными представляются нам утверждения, что, прекратив (или сократив?) экспорт нефти, нам нужно оставить "надежду когда-либо стать действительно современной промышленной державой. Ибо платить нам больше нечем, как только "нефтедолларами".

А что если взглянуть на проблему несколько с иной стороны, задав себе вопрос: а за что, собственно, платить? Насколько рационально мы используем свои экспортные доходы? Не направлен ли наш нефтяной экспорт не только на нужды экономического развития, но и на финансирование нашей прямой бесхозяйственности? Нельзя ли сократить потребности СССР в валюте, зарабатываемой все более и более дорогими в добыче невозобновляемыми энергоресурсами, за счет повышения эффективности ее использованию? На величину этого сокращения валютных потребностей мы имели бы возможность уменьшить наш нефтяной экспорт, поскольку именно жидкое топливо замыкает экспортный баланс страны.

Такой подход позволяет совершенно по-иному ставить вопрос о рациональных масштабах экспорта нефти. Он нацеливает на прекращение компенсации за счет вывоза природных ресурсов, да к тому же теперь и по низким ценам, неудовлетворительной работы всей системы хозяйствования.

А неиспользованных резервов на этом пути — непочатый край. Даже перечислить их все в рамках статьи не представ-

ляется возможным. Поэтому приведем лишь пару наиболее "кричащих", на наш взгляд, примеров. Импорт продовольствия. Можно говорить, что это — форма превращения нефти в реальные блага. На наш взгляд, это форма превращения нефти в выброшенные на ветер деньги, ибо импорт продовольствия направлен по сути на компенсацию его потерь. И не будем забывать, что неэквивалентность этого обмена заключена уже в самом его факте, ибо мы обмениваем наши невозобновляемые энергоресурсы на ресурсы возобновляемые, каковыми является сельскохозяйственная продукция. По данным Госкомстата СССР, приводимым на недавнем заседании Комиссии ЦК КПСС по вопросам аграрной политики, ежегодно не попадает в хранилища около 29 млн т уже выращенного зерна, безвозвратно теряется почти миллион тонн мяса. Не доходят до потребителя четверть урожая картофеля и овощей. Ученые считают, что такой продукции ежегодно теряется на 22...25 млрд р. В то же время в прошлом году объем импорта зерна составил 35 млн т, мяса — 719 тыс.т. Об объемах импорта картофеля статистические справочники Госкомстата и МВЭС стыдливо умалчивают, но объем импорта свежих овощей (в основном помидоры и лук) составил в 1988 г. всего 0,7 % от их потребления, т.е. был в полтора десятка раз меньше величины их потерь на пути с нашего поля к потребителю. Потери сахарной свеклы, в пересчете на сахар-песок, составляют 60 % импорта последнего. И этот ряд можно продолжать достаточно долго ... Всего же затраты на импорт продовольствия в 1988 г. превысили 7,5 млрд р., что составляет около 12 % импортных расходов или почти 40 % доходов от экспорта жидкого топлива.

Так не было бы более экономически обоснованным сократить на соответствующую величину добычу и экспорт нефти, а высвободившиеся таким образом производственные ресурсы переориентировать на сокращение потерь сельскохозяйственной продукции, чем вкладывать деньги в добычу нефти, чтобы на валютную выручку от ее продажи закупать продовольствие в объемах сопоставимых, а по каким-то культурам — лишь отчасти компенсирующих его потери в аграрном секторе страны?

Отметим также, что на развитие перерабатывающих отраслей АПК мы смогли направить в прошлом году лишь 6 % капиталовложений, выделенных на развитие всего этого комплекса, так что такая целевая добавка не помешала бы..

Машины и оборудование — основная статья нашего импорта. Но и здесь значительная часть закупленного не приносит полезного эффекта, скапливаясь, например, на складах предприятий истроек. Так, по состоянию на начало 1989 г., складские запасы только нового импортного оборудования составили около 10 % величины его закупок в 1988 г., в том числе 36 % — энергетического и оборудования пищевой промышленности, а металлургического — превысили 60 %. При этом в металлургическом и химико-лесном комплексах почти у 1/5 импортного оборудования длительность пребывания на складах превысила 5 лет. Стоимость неустановленного импортного оборудования исчисляется по отдельным министерствам сотнями миллионов рублей, а всего по народному хозяйству эта величина в течение последних 5...7 лет держится на уровне порядка 5 млрд р. (хотя в "Известиях" № 294 промелькнула цифра в 40 млрд р.). Но пусть даже "всего" 5 млрд р. — это ведь почти одна пятая годового импорта машин и оборудования и четверть нынешних доходов страны от экспорта жидкого топлива.

Таким образом, только два отмеченных направления нерационального использования валюты "съедают" 2/3 экспортных доходов от вывоза жидкого топлива. А если продолжить этот ряд?

Безусловно, исправить такое положение и прекратить финансировать бесхозяйственность можно только с помощью нового внешнеэкономического механизма, который не может быть более эффективным и совершенным, чем внутриэкономический механизм страны.

Но согласиться с предлагаемыми в статье И.Лавровского некоторыми элементами этого механизма очень трудно. Ключевым звеном его предложений является создание специальных экономических зон в энергопроизводящих регионах с немедленным введением там локальной конвертируемости рубля, дабы гарантировать иностранным фирмам вывоз прибылей. Но не так давно "Известия" (№ 262) уже давали ответ на вопрос, "можно ли конвертируемость ввести декретом". Вряд ли стоит добавлять что-либо к сказанному в той статье. А вот в предложении гарантировать за счет сырьевого экспорта прибыли иностранных вкладчиков в различных отраслях, не только в производстве топлива, есть рациональное зерно. Наше

видение направления перестройки внешнеэкономического механизма в энергосырьевой сфере также опирается на конвертируемый характер продукции этих отраслей. Мы считаем, что одним из ключевых элементов такого механизма может стать новая концессионная политика страны, которая вобрала бы в себя как позитивный исторический опыт "политики концессий" Советской России периода нэпа, так и современный западный опыт соглашений между транснациональными компаниями и принимающими странами. "Что такое концессии? — писал В.И. Ленин. — Договор государства с капиталистом, который берется поставить или усовершенствовать производство (например, добычу и сплав леса, добычу угля, нефти, руды и т.п.), платя за это государству долю добываемого продукта, другую долю получая в виде прибыли... Концессия есть своего рода арендный договор. Капиталист становится арендатором части государственной собственности, по договору, на определенный срок, но не становится собственником. Собственность остается за государством..."*. Поэтому, во-первых, не следует бояться слова "концессия" как символа колониальной эксплуатации — в Советской России даже в то время это был не более чем устоявшийся термин, сформировавшийся в период, когда иных видов соглашений еще не существовало, но характеризующий типично подрядное соглашение. Во-вторых, политика концессий — по Ленину — это не столько вопрос о формах эксплуатации природных ресурсов нашего государства, сколько вопрос о способах взаимовыгодного привлечения иностранного капитала для развития производительных сил страны на территориально-отраслевой основе.

Имея колониальную структуру экспорта, Советская Россия в 20-е гг. начала с предложения лесных, горных, продовольственных концессий и путей сообщения с последующим вовлечением в концессии фабрик и заводов. Мы же, сохранив по сути ту же колониальную экспортную структуру, начали с создания совместных предприятий совершенно в иных отраслях, перечеркнув тем самым позитивный опыт периода нэпа: от конвертируемых товаров (сырья) к фабрикам и заводам. И при

---

* Ленин В.И. Полн. собр. соч. — М.: Политиздат, 1977. — Т. 43. — С. 248-249.

этом не перестаем удивляться слабой активности иностранного капитала по закреплению на нашем внутреннем рынке.

Нам как принимающей стране вовлечение иностранного капитала в производство "конвертируемых товаров" дало бы возможность не только приобщаться к передовой производственной культуре через работу совместных предприятий, не только способствовало бы экономичному и гарантированному поступлению сырья и материалов в другие сектора хозяйства, но и позволило бы переориентировать высвобождающиеся тем самым производственные ресурсы на решение иных приоритетных задач. Более того, расширились бы возможности замещения экспорта нефти — за счет увеличения ее вывоза, но добываемой уже самими инофирмами по соглашениям о разделе продукции или предоставлении услуг с риском.

Вовлечение иностранного капитала в производство конвертируемых товаров решает главную проблему для инвесторов — проблему вывоза прибылей при отсутствии конвертируемого рубля. В этих условиях нет нужды ни в специальных энерго-сырьевых экономических зонах, ни в немедленном введении в них локальной конвертируемости рубля и т.п. Вместо этого необходимо: а) предоставление права собственности на природные ресурсы территории и права распоряжаться этой собственностью соответствующему Совету народных депутатов — закон о собственности дает такие права; б) создание экономического механизма регулирования деятельности хозяйственных субъектов в границах территории — наш собственный опыт 60...70-летней давности и современная западная практика соглашений представляют такие отработанные на практике механизмы.

Остается соединить их, отладить и запустить в действие. Результаты не замедлят сказаться.

А.А. Конопляник (ИМЭМО АН СССР)

В нефтяной промышленности Ирака

В Ираке быстрыми темпами идет восстановление нефтяной промышленности, размер добывающих мощностей в Ираке определяется в 4,5 млн баррелей/сут, что выдвинуло страну на второе место среди государств-членов ОПЕК после Саудовской Аравии. Текущий уровень нефтедобычи составляет